Монгольских народов мифология

монгольских народов мифология, система мифологических представлений монголоязычных народов Центральной Азии и Южной Сибири: халхасов, ойратов, бурят, многочисленных племён Внутренней Монголии (баргутов, хорчинов, чахаров и др.), а также калмыков, выделившихся из группы ойратских племён и откочевавших на Волгу в XVII в. (с этих пор их мифологические представления, сформировавшиеся ранее, мало менялись). Мифологическая система у монгольских народов едина, различия (областные, племенные, национальные) незначительны.

Объясняется это непрерывностью этно-культурных взаимодействий, общностью литературного языка, обеспечивавших циркуляцию по всему монголоязычному миру рукописей с обрядово-мифологическими текстами. Несколько отличны мифологические представления изолированных этно-языковых групп — моголов, дагуров, монгоров, которые подверглись афганскому, маньчжурскому, тибето-китайскому влияниям (хотя они сохранили в культуре и языке ряд архаических черт).

Общие истоки фольклорно-мифологических традиций монголов относятся к тому времени, когда главным источником их существования была охота. Многие архаические черты мифологии древнемонгольских таёжных охотников удержались в мифологии бурят, особенно западных (см. Бурятская мифология); некоторые древнейшие мотивы сохранились в ойрат-калмыцкой мифологии.

Мифология древнемонгольских степных кочевников (сяньби, кидани и др.), известная по китайским историческим источникам, менее архаична, чем мифология таёжных охотников. Она складывалась под влиянием относительно устойчивых государственно-племенных шаманистских культов в раннефеодальных объединениях тюркских и монгольских народов Центральной Азии (этим, в частности, объясняются тесные связи древнемонгольской и древнетюркской мифологий).

Уже в период хунну и ухуань существовало почитание неба, земли, солнца, луны, звёзд, а также духов предков (у ухуань местом их обитания считалась Красная гора). Во фрагментах этногонических легенд сяньбийских племён (тоба, муюн, тугухунь) I—V вв., повествующих о выходе людей из замкнутых мест их первоначального обитания,

встречаются зооморфные образы (вероятно, родовые тотемы): конь, бык, олень (лось, лань).

По генеалогическим преданиям, вождь или предок рождается от брака человека с небесной девой или в результате непорочного зачатия (от градины, после раската грома упавшей в рот женщины и ею проглоченной). В пантеон богов киданей IV—XII вв. входили небо, земля (в облике старой женщины), ниспосылающие мир и помогающие в критических ситуациях, солнце (с ним были связаны ритуалы при вступлении на престол императора киданей и др.).

Кидани почитали также персонифицированных и неперсонифицированных (в том числе в виде тотемных животных — белой лошади, оленя) богов огня, войны, металла, кроме того, — множество духов, в частности духов предков и их покровителя — грозного духа священной Чёрной горы. Существует миф о встрече у горы Муе (её дух также входил в число высших божеств киданей) первопредка, скакавшего на белом жеребце, и небесной девы, ехавшей в телеге, запряжённой сивой коровой.

Восемь сыновей первопредка и небесной девы стали родоначальниками племён. Ездовые животные, очевидно, имели тотемную природу и были посвящены этим первопредкам (ср. с тотемами коня и яка у цянских племён в тибетской мифологии).

По преданию, белую лошадь и сивого быка жертвовали некоему духу по прозванию Найха, имевшему вид черепа и принимавшему облик человека только на время общения с людьми. Сведения о раннем периоде развития (XIII—XIV вв.) собственно монгольской (когда завершилось образование монгольской народности) мифологии содержат некоторые памятники монгольской письменности (прежде всего хроника XIII в. «Сокровенное сказание»), а также записи иранского историографа при дворе Хулагуидов Рашидаддина (XIV в.), итальянских (Плано Карпини, Марко Поло), фламандского (Биллем Рубрук), английского (Джон Мандевилл) путешественников, сочинения армянских (Киракос Гандзакеци, Гетум Армянский и др.) и китайских историков.

Монголы поклонялись небу (тенгри), в монгольских источниках именуемому синим или вечным, и земле (см. Этуген). Небо почиталось как верховное божество (хотя Марко Поло и Джон Мандевилл таковыми называют только землю — «всемогущего бога природы»).

Оно — безначальное, несотворённое, создатель всего сущего, владыка мира; оно определяет судьбы человека, санкционирует государственную власть. Небо и земля, почти или совсем не персонифицированные, — носители мужского (небо-отец) и женского (земля-матушка) начал.

С культом земли связаны существовавшие у кочевников с древнейших времён праздники возрождения природы (весенний) и плодородия (осенний). Поклонялись также солнцу и, в отличие от киданей, луне — «великому владыке» (изображения солнца и луны входили в свадебную символику).

Солнце считалось матерью луны (ср. выражение «мать-солнце» в «Сокровенном сказании»). Гром, по Рашидаддину, производит дракон (см. Лу).

В «Сокровенном сказании» названы тотемические первопредки — Борте-Чино («сивый волк») и Хо Марал («каурая лань»), ср. также тотемический мотив в мифе о Бодон-чаре. Генеалогический миф, переданный Рашидаддином, повествует о происхождении монголов от двух родоначальников — Нукуза и Кияна, скрывавшихся со своими жёнами от врагов в недоступном урочище Эргунекун.

Разросшееся племя вышло из теснины, расплавив содержащий руду горный кряж. Важное место занимали духи предков, о чём свидетельствуют упоминаемые Плано Карпини, Киракосом Гандзакеци меховые и войлочные идолы — онгоны.

Обожествление предков царствующей фамилии находит своё воплощение в культе Чингисхана и его семьи. Появление в качестве верховного божества Хормусты, культ грозных тантрических божеств (ср. чойджины, докшиты) относятся ещё к раннему (XIII—XIV вв.) знакомству с буддизмом.

С широким его распространением многие индо-тибетские образы и сюжеты были адоптированы М. н. м. (см. Раху, Охин-тенгри, Гесер). Сведения о М. н. м. позднего периода можно почерпнуть в монгольских, калмыцких, бурятских летописях XVII—XIX вв., жизнеописаниях ламаистских миссионеров Нейджи-тойна и Зая-пандиты (XVII в.), литургическом трактате Мерген Даянчи-ламы (XVIII в.) и др., но прежде всего — в фольклорных и обрядовых текстах: благопожеланиях, восхвалениях, шаманских

призываниях и пр., бытующих в устной и письменной форме.

Однако разветвлённые мифологические циклы представлены только у монгоров (хотя под тибетскими наслоениями древнемонгольский субстрат почти неразличим) и у бурят. Картина мира в М. н. м. складывается из противоречивых представлений, автохтонных или заимствованных (прежде всего индо-тибетских).

По бурятским поверьям, небо подобно перевёрнутому котлу, который можно приподнять, и тогда между ним и краем земли возникает зазор; метеор — приоткрытая на мгновение небесная дверь, необыкновенный свет из которой озаряет землю. Небо находится в беспрестанном движении: вертикальном (то приподнимается, то опускается) и кругообразном — вращается вокруг своей оси (Полярной звезды, представляющей собой неподвижный центр неба), прочность которой обеспечивает постоянство мирового круговращения.

Обычно Полярная звезда называется «Золотой кол» (Алтан гадас) и осмысливается то как небесная коновязь, изготовленная девятью мудрыми кузнецами, то как камень, закрывающий отверстие в небе (если его вынуть, вода зальёт землю), то как вершина мирового столба или мировой горы, то есть как «пуп неба». Центральному небесному отверстию, через которое можно попасть на различные слои неба (их насчитывается 3, 7, 9 — до 99), соответствует отверстие в центре земли, ведущее в многослойный нижний мир (7, 9 и более слоев).

Вместо единого обожествлённого неба (это представление сохранилось лишь у монгоров) у современных монгольских народов обнаруживается пантеон небесных божеств — тенгри (обычно из 99 или 33 во главе с Хормустой), пополненный индо-тибетскими ламаистскими божествами (см. бурханы). В роли громовника выступает небесный стрелок Хухедей-мерген.

Согласно бурятскому поверью о молниях как громовых стрелах неба, их выковывают 77 небесных плешивых кузнецов (отражение связи громовника с кузнечным делом). Попав в цель, стрелы остаются в земле и через три дня становятся каменными, в случае непопадания возвращаются на небо.

По представлениям ойратов и бурят, мишенью являются небесная белая сова, белка-летяга, колонок, хорёк, бурундук, кривой крот, тушканчик и др., так как в эпоху первотворения кто-то из них убил сына неба (по алтайско-тюркским преданиям, ослепил на один глаз). Иногда мишень громовой стрелы — демон чотгор, одноногий демон терен.

Громовник бросает громовую стрелу, сидя верхом на драконе (лу). По другим поверьям, грозу производит небесный верблюд. Согласно поздним ламаистским представлениям, громовержцем является Очирвани.

Астральные сюжеты объясняют происхождение созвездий Орион (см. Хухедей-мерген), Большая Медведица (см. Долон эбуген), Плеяды (см. Мичит), планеты Венера (см. Цолмон). Отмеченный источниками XIII—XIV вв. культ солнца и луны не получил дальнейшего развития, хотя в шаманских призываниях после божеств неба и земли наряду со звёздами иногда упоминаются «полная луна», «золотое солнце» и «полумесяц».

С солярным циклом связан миф о чудесном стрелке Эрхий-мергене, сбившем выстрелом лишние светила. В отличие от древнемонгольских представлений, позднее солнце стало связываться с мужским, а луна с женским началами (ср. свадебный обряд, по которому жених садится на изображение солнца, невеста — на изображение луны).

В одном бурятском мифе солнце и месяц — два отца светлых и тёмных божеств. Небесному огню (солнцу) соответствует земной огонь (очаг); дух Отхан-Галахан (Сахядай-нойон у бурят) является и божеством огня. Согласно преданиям, хранители огня — Шидургу-хаган, Цогтай-хан.

Представления о странах света противоречивы. В отличие от распространённой (у тюркских и некоторых тунгусо-маньчжурских народов, у китайцев и др.) ориентации по движению солнца (восток — впереди, запад — позади) и соответствующей ей характеристики богов: восточные, «верхние» — положительные, светлые, западные, «нижние» — отрицательные, тёмные, у бурят, например, положительными являются западные небесные божества (светлые), отрицательными — восточные (тёмные). ср. в монгольских языках: «западный» значит также «правый», а «восточный» — «левый» (см. Левый и правый), то есть ориентация лицом на юг (хотя у ордосцев и дархатов отмечается ориентация лицом на восток).

Соотношение центра — оси мирового круговращения — с Полярной звездой приводит к сдвигу этого центра к северу. На север смещается и дыра, ведущая в нижний мир (отражение небесного отверстия), хотя по южномонгольскому шаманскому призыванию три колдовские дыры, очевидно, аналогичные ему, располагаются на юго-востоке; на севере находится основание мировой горы, вершина которой упирается в Полярную звезду (но балаганские буряты располагают её на юго-западе).

У монгольских народов мировой горой является Сумбер (Сумеру буддийской мифологии). Мировая гора сближается с мировым столбом (иногда имеет вид четырёхсторонней пирамиды из 3, 4, 7 ступеней, симметричных слоям неба) и с мировым древом (его эквиваленты — сосна, берёза и некоторые другие деревья).

Это — растущее на пустынной равнине в западной стороне Одинокое дерево; Сандаловое дерево (Древнее сандаловое дерево, у балаганских бурят также относимое на юго-запад), или исполняющее желания дерево Галбурвас (Галбарвасан, от санскритского кальпаврикша, «дерево кальпы»). Земля имеет форму диска или квадрата, углы которого соответствуют 4 сторонам света, и покоится на брюхе гигантского водяного животного — черепахи или лягушки (Алтан Мелхий, «золотая лягушка»), лапы которого соответствуют сторонам света (ср. 4 континента ламаистской космологии, расположенных по 4 сторонам горы Сумеру).

Иногда водяное животное держит на себе мировую гору. Возможно, более архаическим является представление (например, у некоторых бурятских племён) об огромной рыбе, держащей на своей спине землю (бурят. Абарга Загахан, монг. Аврага Дзагасан, калм.

Аварга загсн). Подобные персонажи (как автохтонные, так и заимствованные), дополняющие статическую картину мира, частично утратив своё более древнее значение, образуют группу мифологических «гигантов», «властелинов», могущество которых выражается прежде всего в необыкновенных размерах (мировая гора и мировое древо тоже рассматриваются как дерево-гигант и гора-гигант): царь птиц — Хан Гаруди (см. в статье Гаруда), царь змей — Аврага Могой, царь рыб — Аврага Дзагасан и др.

На основе шаманских призываний можно полагать, что небо и земля были первоначально слиты в одну массу (хаос), при их разделении возник огонь и, очевидно, всё в мире, причём формирующей силой было женское начало (земля), а

одухотворяющей, дающей душу, — мужское (небо). Космогонические мотивы (прежде всего изначальность, несотворённость неба и заключённый в нём творческий импульс) отражены в противоречивых определениях верховных небесных божеств шаманского пантеона: «возникшие сами по себе» (восходит к буддийскому эпитету «самовозникший»), сами являющиеся «создателями всего» или же «возникшие от матери Этуген и моря» (здесь, возможно, смутно отражён образ Великой праматери, отождествляемой с земным божеством; ср. Эхе-бурхан бурят, мифологии).

Согласно фольклорным мотивам, земля сначала была лишь кочкой, а потом разрослась; в зачинах эпических поэм, относящих действие к эпохе первотворения, такая кочка отождествляется также с еще не выросшей мировой горой. Судя по некоторым эпическим мотивам, небом и землёй был создан и первый человек, иногда первый человек прямо называется сыном вечного неба и золотой земли.

Чаще всего его мать (как и будущая жена) происходит из среды хтонических земных духов, а по отцовской линии у него небесное происхождение. Черты первого человека сохранены калмыцким эпосом в образе сироты, одинокого Джангара (ср. якут.

Эр-Соготох, а также одинокого малолетнего героя, живущего вдвоём с сестрой, в бурятском эпосе). В более позднем и стройном виде миф о создании мира и человека сложился под влиянием индийской космогонии, хотя и с использованием автохтонных мотивов.

Его главные действующие лица — буддийские божества (так называемые бурханы): Шагджитуби (Шакьямуни), или Бурхан-багши (Будда-учитель), Майдари (Майтрея), Очирвани (Ваджрапани), Хормуста, Арья-Бало (Авалокитешвара), Манджушри и др., действующие обычно парой: распорядитель и исполнитель, положительный культурный герой и отрицательный, портящий, творящий злое по неумению, небрежности или злому умыслу (в таком качестве иногда непосредственно выступает демонический персонаж — шулмас, чотгор, Эрлик). Вселенная в своём начальном состоянии определяется как хаос (галав, см. в статье Кальпа).

Хаос густеет от ветра, высушивается огнём и смачивается дождём, в результате возникает земля. Другая её исходная форма — безграничная водная стихия (мировой океан), на которую настилается земля, разрастающаяся из принесённой с неба или со дна океана щепотки.

Согласно космогоническим сюжетам, восходящим к мифу о Вишну, демиург переворачивает на спину плавающую в мировом океане гигантскую черепаху (или лягушку) и водружает на неё только что созданную землю (или сам превращается в черепаху). Движениями животного объясняются землетрясения; с ним связаны эсхатологические сюжеты.

Человека (первую супружескую пару) изготавливают из земли; душу даёт небесное божество либо это делает демон. По другим мифам, люди происходят от тенгри, спустившихся на землю в виде пары первопредков, чтобы дать начало человеческому роду, или изгнанных с неба Хормустой.

В этих сюжетах встречается и грехопадение первых людей (поедание запретного). Как и образ вечного неба, образ единого земного божества или обожествлённой земли в позднейший период оказывается размытым, хотя и сохраняет свою женскую природу (эпитет «матерью ставшая»), прежнее наименование Этуген часто заменяется синонимами «делхий» (алтан делхий, «золотая земля») или «гадзар».

Земля представляется многослойной: 7, 8, 10 слоев, однако кардинальной числовой характеристикой, традиционно выступающей в паре с 99 слоями неба, является 77. В шаманских гимнах говорится и о множественности эдзенов (81, 77, 49, 44, 24 и др.), духов — хозяев различных мест, прежде всего гор и водоёмов.

Глава (хан) всех земных божеств — Цаган Эбуген, функции которого отчасти аналогичны, с одной стороны, богине земли Этуген, с другой — хозяину диких животных Манахану. Важнейшим шаманским божеством является также горный дух Дайн Дерхе.

Монгольская шаманская мифология тесно связана с культом предков, отражённым, например, в почитании онгона Эмегельджи-эджи («прабабушка») или Эмеген («бабушка»), покровительницы детей, иногда именуемой дзаячи. Они вступают в контакт с локальными духами-хозяевами, обретают магическую силу и власть над стихиями, способность вселяться в человека (впадающего при этом в транс).

К предкам апеллирует шаман, его могущество зависит от древности шаманской генеалогии — полуреальной, полумифической, возводимой к легендарным шаманам

прошлого. Вся разветвлённая шаманская мифология и практика базируются на поверьях о душе (сунесу), оставляющей тело и вселяющейся в него.

Человек наделяется несколькими (двумя или тремя) душами: «бессмертной» душой (сульде), которая довольно свободно покидает тело (во время сна, болезни, у шамана — при камлании), отлетает после смерти и становится духом или возвращается на небо (см. Дзаячи); душой «телесной», никогда не оставляющей человека при жизни и продолжающей жить в трупе (или подле него) до полного разложения (три года и более), после чего она становится смерчем и скоро исчезает. Она считается «дурной», может вызывать кошмары, а после смерти стать злокозненным духом.

В соответствии с антропогоническими представлениями о земном материнском и небесном отцовском начале различается материнская «душа плоти» и отцовская «душа кости», местоположением которой является отверстие тазовой кости (её раскалывание равносильно убийству этой души). Демоны (злокозненные духи) — это, как правило, души умерших неестественной смертью или грешников.

По своим функциям и облику они слабо разграничиваются, их общее непременное свойство — приносить человеку болезнь, вселяясь в его тело или захватывая его душу. Их именуют чотгор, альбин (привидение, блуждающий огонь, сбивающий путников с пути), шулмас, ада (оборотень, призрак, наваждение); элээ (дух, предвещающий и вызывающий несчастье, призрак, блуждающий огонь), тотгор, тутгер, дзедгер — нечисть, наваждение, демоны бешенства; дзагурада, харьмяхан и др. (привидения, души, не получившие перерождения и оставшиеся между мирами), колчин (безобразный демон, привидение; под этим именем в шаманских призываниях упоминается один из тенгри — Колчин-тенгри).

Демон терен и ведьма алмас (ср. тюрк, албасты) одноноги и одноруки. Алмас, кроме того, имеет только один глаз и одну грудь, которую закидывает за спину.

У монголов существуют мифологические представления (общие с представлениями алтайских тюрок) о нижнем мире — подземном царстве смерти (они сформировались под прямым влиянием буддийской космологии, см. Нарака). Его глава — Эрлик-хан (Эрлик), волю которого исполняют эрлики, или элчи (букв. «посланцы»); южномонгольское шаманское призывание размещает этих элчи на 9-м слое земли — рядом с змееподобными лусами (8-й слой).

Картина загробного мира дополняется идеей загробного воздаяния, сценами подземного судилища, иерархией областей ада, образами адских духов (бириты — от санскр. прета). По более архаическим поверьям, в частности у бурят, царство мёртвых не соотнесено с нижним миром и сосуществует в непосредственном соседстве с миром живых (как бы «в ином измерении»), являясь его точным подобием.

Литература:Потанин Г. Н., Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, т. 2, СПБ, 1893;его же, Очерки северо-западной Монголии, в. 2, 4, СПБ, 1881—83;Беннингсен А. П., Легенды и сказки Центральной Азии, СПБ, 1912;Поппе Н. Н., Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения Академии наук, Записки Института востоковедения Академии наук, т. 1, Л., 1932;Damdinsürüng Ce., Mongγol-un uran okiyal-un degei aγun bilig, Ulaγan-baγatur, 1959;Rintohen B., Les metériaux pour 1etude du chamanisme mongol, v. 1—3, Wiesbaden, 1959—1961, 1975;Heissig W., Mongolische volksreligiose und folkloristische Texte, Wiesbaden, 1966;Банзаров Д., Черная вера, или Шаманство у монголов, Собр. соч., М., 1955;Хангалов М. Н., Собр. соч., т. 1—3, Улан-Удэ, 1958—60;Ковалевский О., Буддийская космология, Казань, 1837;Владимирцов Б. Я., Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, в кн.: Северная Монголия, т. 2, М., 1927;Михайлов Г. И., Мифы в героическом эпосе монгольских народов, в сб.: Краткие сообщения Института народов Азии, в. 83, М., 1964;его же, Калмыцкий Джангар и мифы, «Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института», 1976, № 14;Жуковская Н. Л., Ламаизм и ранние формы религии, М., 1977;Содном Б., Монголии харын зугийн боогийн дуудлагын тухай, в сб.: Studia mongolica, т. 4, fasc. 3, Улаанбаатар, 1962;Далай Ч., Монголын бгийн mpглийн товч туух, в сб.: Studia ethnografica, t. 1, fasc. 5, Улаанбаатар, 1959;Harva U., Die religiösen Vorstellungen der altaischen Volker, Porvoo, 1938;Sandschejew G. D., Weltanschauung und Schamanismus der Alaren-Burjaten, «Anthropos», 1927, Bd 22, H. 3—4; 1928, Bd 23, H. 3—4;Tucci G., Heissig W., Die Religionen Tibets und der Mongolei, Stuttg. [u. a.], 1970;Lörincz L., Die mongolische Mythologie, в сб.: Acta orientalia Academiae scientiarum Hungariae, t. 27, fasc. 1, Bdpst, 1973;Schröder D., Zur Religion der Tujen des Sininggebietes (Kukunor), «Anthropos», 1953, Bd 48, № 1—2. С. Ю. Неклюдов.